

УДК 821.161.3

ДАНТОВСКИЕ ИМПУЛЬСЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ПОЭТА МАКСИМА ТАНКА

В.И. Черота (Минск, Беларусь)

Аннотация

Постановка проблемы. Максим Танк (1912–1995) был одним из самых осведомленных в мировой литературе белорусских писателей. Из представителей итальянской изящной словесности он выделял Данте Алигьери, о чем свидетельствуют многочисленные непосредственные упоминания и аллюзии в его стихотворениях, статьях и дневниках.

Цель статьи – проанализировать мотивы обращения М. Танка в своем творчестве к великому флорентийскому поэту и его литературному наследию.

Результаты исследования и выводы. Проведенное исследование позволяет утверждать, что М. Танк ценил его прежде всего как автора «Божественной комедии», в которой непревзойденно описаны ад и ужасные страдания грешников. В целом же Данте воспринимался и как человек, вкусивший горький хлеб изгнания, прошедший все круги ада и вернувшийся к живым, а также как гениальный художник слова, своими творениями обеспечивший себе бессмертие. В последнем прижизненном поэтическом сборнике М. Танка «Мой ковчег» (1994) наблюдаются исходящие от гения итальянской литературы творческие импульсы, которые по-своему обусловили интерпретации тем смерти и бессмертия, спасения души и возвышенной любви; к тому же предлагается свое видение ставшего в мировой литературе вечным образа Беатриче.

Ключевые слова: дантоведение, «Божественная комедия», белорусская литература, поэзия, творческие импульсы, аллюзия, сонет, терцины.

Постановка проблемы. Максим Танк (наст. Скурко Евгений Иванович; 1912–1995), народный поэт Беларуси (1968), основательного и систематического филологического образования не имел: окончив польскую начальную школу, с 1926 по 1932 г. он учился в гимназиях Вилейки, Радошковичей и Вильно, но аттестата о среднем образовании так и не получил. Вместе с тем, благодаря самообразованию, среди белорусских писателей он стал одним из самых осведомленных в истории литературы многих народов мира.

Если рассматривать конкретно итальянскую литературу, то достоверно известно, что в круг чтения М. Танка входили творения ее классиков: Лудовико Ариосто, Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини, Джузеппе Джоакино Белли [Танк, 2009, т. 9, с. 39, 440, 456–457; Танк, 2010, т. 10, с. 662], а также произведения писателей XX в.: книга «Легенда Ленина» К. Малапарте [Танк, 2009, т. 9, с. 322], роман «Фонтамара» И. Силоне [Танк, 2009, т. 9, с. 388; Танк, 2010, т. 10, с. 452, 606], рассказы Д. Буццати [Танк, 2010, т. 10, с. 396], книга очерков «Христос остановился в Эболи» К. Леви [Танк, 2010, т. 10, с. 647]. Убедительным свидетельством того, что белорусский писатель располагал обширными сведениями об итальянской поэзии своей эпохи, может служить его вступи-

тельная статья «Приятной встречи!» («*Прыемнай сустрэчы!*») к сборнику «От башен Феррары» («*Ад вежаў Ферары*», 1974) [Ад вежаў Ферары, 1974, с. 3–9]. В этом издании представлены переводы тридцати трех поэтов Италии, причем двоих (С. Квазимодо и А. Северини) М. Танк переводил сам лично [Ад вежаў Ферары, 1974, с. 86–87, 148–153].

Художественные произведения, а также статьи и дневники народного поэта Беларуси содержат многочисленные упоминания Данте Алигьери и его «Божественной комедии». Уже на этом основании допустимо делать вывод, что флорентийскому поэту и его бессмертной поэме М. Танк отводил особое место в истории литературы не только итальянской, но и мировой.

Цель статьи. Между тем ограничиваться только поверхностными наблюдениями вряд ли уместно. Следует все-таки выяснить мотивы творческого «притяжения» и проанализировать, в чем конкретно и как оно выражалось. Это в данной статье мы и попытаемся сделать.

Результаты исследования. Впервые имя автора «Божественной комедии» народный поэт Беларуси упоминает в дневниковой записи от 6 июля 1936 г.: «Мы могли бы поучиться у Данте, как писать о современном аде, а у Мицкевича – как бороться с создателями этого ада. Интересно, что до последнего времени у нас популяризировались и переводились произведения посредственных поэтов, а не этих гигантов» [Танк, 1986, т. 3, с. 261–262]. Стоило бы обратить внимание, что именно Максим Танк первым, насколько нам известно, поставил вопрос о востребованности белорусскоязычного перевода поэмы флорентийца. Но более существенно иное: белорусский поэт выделяет Данте, титана мировой художественной культуры, и подчеркивает его значение прежде всего как певца Ада, многогранно и непревзойденно изобразившего испытания и страдания в первой части «Божественной комедии», которая была, есть и будет образцом для художников слова во всем мире. Кроме того, данная дневниковая запись позволяет полагать, что с шедевром Данте к середине 1936 г. М. Танк уже был знаком. Правда, остается открытым вопрос, в переводе на какой язык (русский или польский) он читал «Божественную комедию». Известно, например, что ознакомление белорусского писателя с творчеством К. Малапарте и И. Силоне происходило через польскоязычные издания.

Вскоре после того, как сделана процитированная выше дневниковая запись, в первом номере журнала «Путь Молодежи» («*Шлях Моладзі*») за 1937 г. М. Танк публикует «Ответ на статью якобы о поэзии, помещенную в “Бел. фронте” № 1 (10) п<од> н<азванием> “Цели поэзии” Ш.» («*Адказ на артыкул быццам аб паэзіі, змешчаны ў “Бел. фронце” № 1 (10) п<ад> н<азвай> “Мэты паэзіі” Ш.*»). И в нем молодой еще поэт полемизирует со «жрецами “чистой поэзии”», утверждая: «*Нечего бояться, что поэзия “понизится” до своих истоков – к вопросам дня: к моральным, социальным, национальным проблемам, к художественному их решению.* Это ее дорога! Не в этом ли достоинство

великих произведений мировой литературы: Данте, Шекспира, Гете, Мицкевича, Толстого, не говоря уже о сегодняшних титанах слова?!» (здесь и далее перевод с белорусского языка наш. – В. Ч.) [Танк, 2009, т. 8, с. 186–187]. Как видим, по мнению белорусского писателя, значимость гениальных творений заключается в том, что их авторы черпали материал для творчества из самой жизни, не боялись «соприкосновения с эпохой», были чуткими к насущным проблемам общества и предлагали их решения.

Как певец Ада представлен итальянский поэт в стихотворении «Наставления» («*Парады*»), которое датируется 7 января 1939 г. Две заключительные строфы его звучат так:

Калі ж свой мець будзеш розум
(Музы хай тады бароняць)
І на ліры сваей, можа,
Не пад густ ім ты зазвоніш, –

Не апішаш пяром Дантэ
Таго пекла, таго дыму,
Што падымецца на шпальтах
Ад Завальнай аж да Рыму [Танк, 2006, т. 1, с. 183].

(Буквально: Если же будешь иметь свой ум / (Музы пусть тогда тебя защищают) / И на лире своей, может, / Не под вкус их ты зазвенишь, – / Не опишешь пером Данте / Того ада, того дыма, / Что поднимется на шпальтах = столбцах / От Завальной до самого Рима.)

Правда, эти строки не вызывают тяжелых и жутких ассоциаций с дантовским адом, поскольку стихотворению свойственна актуально-сатирическая направленность, а упоминание о знаменитом итальянском поэте имеет целью усилить сатиру на явление частное – редакторскую практику того времени.

Вместе с тем если обобщенно ставить вопрос об актуализации наследия Данте Алигьери в творчестве белорусских писателей XX столетия, то невозможно не заметить, что она происходила именно во время войны либо в произведениях военной тематики («Смейся!..» (1915) Я. Купалы, «На путях воли» («*На шляхах волі*», 1926–1935, 1955–1956) Я. Коласа, «Мельница на Синих Омутах» («*Млын на Сініх Вірах*», 1957) и «Последняя песня Данте» («*Апошняя песня Дантэ*», 1961) В. Короткевича, «Баллада про живой крест» («*Балада пра жывы крыж*», 1976) О. Лойко). Это подтверждает и написанное по горячим следам стихотворение «Мы в свой город пришли» («*Мы ў свой горад прыйшлі*», 1944), являющееся одной из «поэтических вершин не только самого Максима Танка, но и всей белорусской литературы военного времени» [Бугаеў, 1964, с. 106]. В названном произведении представлена ужасающая картина разрушенного войной города, который изменился до неузнаваемости и стал почти чужим для лирического героя.

Он испытывает душевную боль и страдает не только из-за того, что видит руины родного города, – ему не дают покоя тени жертв войны:

Город мой, город мой,
 Сколько гордых, отважных и смелых
 Здесь легло под тобой
 На руинах твоих онемелых?
 Только тени встают
 И, назвав друг за дружкою имя,
 Через город ведут,
 И, как Данте, иду я за ними...
 И пожалуй, страшней
 Всех блужданий во тьме преисподней
 Путь меж мертвых камней...
 Я на муки пошел бы охотней.

(Перевод А. Чивилихина [Танк, 1985, т. 1, с. 270].)

Необходимо заметить, что в оригинале последние две строки процитированного отрывка разительно отличаются: «Дзе б агнямі мяне / За грахі катавалі і секлі» [Танк, 2006, т. 2, с. 50] (Буквально: Где б огнями меня / За грехи истязали и секли.)

«По потрясающей человечности переживаний, по напряженности душевных сил, – писал белорусский литературовед В.А. Колесник, – эти строки особенны в творчестве Танка, и даже в белорусской поэзии военных лет. Не только внешне соответствует правде соседство автора с великим Данте. Стихи Танка поистине поднялись здесь до уровня мировой поэзии» [Калеснік, 1981, с. 55]. Включенная в текст аллюзия на «Божественную комедию» помогает жуткой картине, изображенной М. Танком, «разрастаться вширь и вглубь, ведет к многозначности исторических параллелей и сопоставлений» [Арочка, 2001, с. 329] с дантовским «Адом».

В 1960 г. делегация Союза писателей СССР, в состав которой входили М.П. Бажан, А.Б. Чаковский, М.И. Алигер, Г.С. Брейтбурд и Максим Танк, приняла участие в работе конгресса Европейского сообщества писателей (Comunità Europea degli Scrittori), проходившего 20–22 июня в Риме. На следующий день после завершения конгресса, т.е. 23 июня, белорусский писатель совершил поездку во Флоренцию [Танк, 2010, т. 10, с. 32]. Побывавший во многих странах мира, он был глубоко убежден, что «...на земле, помимо деревьев, трав и цветов, везде растут и стихи», и признавался: «Я их находил на всех своих дорогах, на всех континентах» [Танк, 2009, т. 8, с. 88]. Из города, являвшегося одним из центров итальянского Возрождения, Максим Танк привез на родину стихотворение «Во Флоренции» («У Фларэнцыі», 1961). Имя Данте Алигьери в этом произведении появляется, конечно же, не случайно, ведь он – один из самых знаменитых

уроженцев этого города. В названном стихотворении еще раз отразилось отношение белорусского поэта к наследию классика мировой литературы:

Ты захотел еще
 На площади Синьории
 Минуту постоять
 Перед бессмертным Данте.
 Ведь каждый камень здесь
 Его строкой пылает,
 И с мраморной ладони
 Он кормит голубей.
 (Перевод Я. Хелемского [Танк, 1985, т. 2, с. 125].)

Примечательно, что во время следующего пребывания в Италии (конец сентября – начало октября 1963 г.), куда ездил по приглашению общества «Италия – СССР», М. Танк еще раз посетил Флоренцию, а также побывал в Равенне, где «посетил и могилу Данте» [Танк, 2010, т. 10, с. 96].

Образ ада, как тематический импульс от итальянского поэта, очередной раз используется в верлибре «Однажды с Данте я спустился в ад...» («Аднойчы я ішоў з Дантэ...», 1971). По замыслу автора знаменитый флорентиец появляется, чтобы свидетельствовать, что со времен его последнего путешествия в преисподнюю, то есть за прошедшие века, мир изменился не в лучшую сторону:

Аднойчы я ішоў з Дантэ
 Па спіралях пекла.
 І ен дзівіўся,
 Што з часоў апошняе вандроўкі
 У царстве ценяў
 Прыбавілася столькі новых
 І невядомых
 Яму кругоў [Танк, 2007, т. 4, с. 227].
 В переводе Я. Хелемского это стихотворение звучит так:
 Однажды с Данте я спустился в ад.
 Прошли мы по спиральям преисподней.
 Был мой великий спутник потрясен:
 Ведь с той поры, когда впервые он
 Спустился в царство горестных теней,
 Прибавилось в аду немало новых,
 Неведомых ему кругов... [Танк, 1985, т. 2, с. 472].

Несколько неожиданными – ведь время, когда написан этот текст, можно считать вполне благополучным – являются размышления белорусского поэта о противоречиях своей эпохи. И вряд ли случайно, что в качестве импульса служит прямая отсылка к первой части «Божественной комедии», автора которой он выбрал себе в спутники.

В дальнейшем М. Танк обращается к наследию Данте Алигьери не только по упомянутой образно-тематической линии. Он, как и белорусские писатели в целом, представителя итальянского Возрождения выделял даже из плеяды корифеев мирового искусства как личность с исключительным опытом и не менее исключительными способностями воплотить этот опыт как универсальный, общечеловеческий. Например, литературовед Е.И. Боричевский в своей работе «Теория сонета» («*Тэорыя санета*», 1927) характеризовал Данте Алигьери как одного из «первых выдающихся сонетистов, которые известны истории литературы» [Барычэўскі, 1927, с. 39]. Эту же заслугу знаменитого флорентийца перед мировым искусством слова отмечает и Максим Танк. В стихотворении «Сонет» («*Санет*», 1973) он авторитетом Данте подкрепляет свое мнение относительно того, что, несмотря на научно-технический прогресс и стремительные, кардинальные изменения в жизни человека, данная твердая стихотворная форма по-прежнему остается жизнеспособной и пригодной для художественного исследования мира:

Наіўныя! Мой карабель – санет
 Калісьці збудаваў вялікі Дантэ,
 А сам Шэкспір на ім адкрыў сусвет [Танк, 2008, т. 5, с. 29].

(Буквально: Наивные! Мой корабль – сонет / Когда-то построил великий Данте, / А сам Шекспир на нем открыл вселенную.)

Мы, продолжая дантологический обзор, считаем необходимым отметить также, что у Максима Танка, помимо сонетов, как того корабля, который «когда-то построил великий Данте», обнаруживается весьма удачная практика «освоения» терцин – в стихотворении «У этих сосен» («*Ля гэтых сосен*», 1952) [Танк, 1985, т. 1, с. 533]. Хотя в его содержании непосредственные переключки отсутствуют, все-таки следует учитывать полностью справедливое утверждение, что терцины «были канонизированы Данте в “Божественной комедии”» [Гаспаров, 2001, стб. 1074], а сам этот факт рассматривать как закрепление М. Танком дантовской традиции в белорусской поэзии.

В том же плане значительный интерес представляет стихотворение «Записываю распорядок дня...» («*Запісваю парадак дня...*», 1982). Его автор, помимо решения мелких бытовых вопросов, в свой список того, что он должен выполнить после работы, вносит и следующий пункт:

Забежать на Парнас,
 Осведомиться,
 Отчего это Зевс не позволил
 Данте,
 Пушкину,
 Богдановичу
 Дописать начатые страницы,
 Осуществить все задуманное?..
 (Перевод Я. Хелемского [Танк, 1986, т. 3, с. 80].)

Здесь М. Танк явно и безусловно отводит Данте первое место среди обитателей Парнаса. А вместе с тем, очередной раз акцентируя заслуги автора «Божественной комедии» перед мировой литературой, сожалеет о его несчастной судьбе и не до конца осуществленных творческих замыслах.

В последнем прижизненном поэтическом сборнике М. Танка – «Мой ковчег» («*Мой каўчэг*», 1994) – доминирует элегическая тональность. На склоне лет народный поэт Беларуси погружается в воспоминания о былом, переосмысляет все прожитое и пережитое, размышляет над извечными вопросами бытия и истинными ценностями. Поэтому неудивительно, что имя гения итальянской литературы в стихотворениях, вошедших в названный сборник, встречается довольно часто. Рассмотрим первое из них – «Перед расставанием» («*Перад развітанням*», 1989). Оно переносит нас во Флоренцию, где «Над кожной аканіцай, брамай / Канцоны Дантэ» [Танк, 2008, т. 6, с. 170].

(Буквально: Над каждой ставней, каждым воротами / Канцоны Данте.) Предчувствуя, что приближается время его смерти, когда он встретится с друзьями «на ступеньках ада», лирический герой внимательно вчитывается в строки поэта и ищет в них отгадку: «Як зноў вярнуўся, якою кладкай / Ен з таго свету» [Танк, 2008, т. 6, с. 171]. (Буквально: Как снова вернулся, какими мостками / Он с того света.) А завершаются рефлексии такими многозначными словами:

Цямнее небасхіл. Крутыя
Раскаты грому.
Пусцее плошча Сіньеры.
Пара дадому [Танк, 2008, т. 6, с. 171].

(Буквально: Темнеет небосвод. Крутые / Раскаты грома. / Пустеет площадь Синьории. / Пора домой.)

Не меньший интерес представляет стихотворение «Одновременно появляются на свет...» («*Адначасна з'яўляюцца на свет...*», 1989), написанное в том же году. Его тема вечная – смерть. Однако, по мнению автора, исключение составляют избранные, наделенные особым даром поэты, своими творениями обеспечивающие себе бессмертие, место в вечности:

Адначасна з'яўляюцца на свет
І чалавек і яго смерць.
І толькі нямногім –
Гамеру, Дантэ, Шэкспіру,
Пушкіну...
Перажыць удалося
Сваю неадлучную сяброўку [Танк, 2008, т. 6, с. 192].

(Буквально: Одновременно появляются на свет / И человек и его смерть. / И только немногим – / Гомеру, Данте, Шекспиру, / Пушкину... / Пережить удалось / Свою неотлучную подругу.)

Не самого Данте, а его возлюбленную Беатриче, которую итальянский поэт воспел в «Новой жизни», «Божественной комедии» и других поэтических произведениях, встречает в «сонной Равенне» лирический герой стихотворения «И я чуть не поверил» («*І я ледзь не наверыў*», 1992). В качестве эпитафии к нему белорусский поэт взял заключительные строки из стихотворения «Встреча» польского поэта Яна Лехоня (1899–1956): «Есць толькі Беатрычэ, / Ды і яе няма ўжо» [Танк, 2008, т. 6, с. 246]. (Буквально: Есть только Беатриче, / Но и ее нет уже.) Поэтому, пожалуй, логично предположить, что произведение Танка появилось не без определенного посредничества. Но суть в ином: лирический герой наблюдает, как Беатриче возлагает цветы на гробницу поэта и повторяет строки его терцин. Произносимые ею стихи для автора – «спрадвечная малітва любві і смерці» [Танк, 2008, т. 6, с. 246] (буквально: извечная молитва любви и смерти); при осознании, что кончина ожидает всех. «Избранница лучезарная» исчезает так же внезапно, как и появилась, и герой даже не успевает задать важный для себя вопрос, на который, по его мнению, Беатриче способна ответить: «Ці есць надзея нам / Уратавацца з пекла?» [Танк, 2008, т. 6, с. 246] (Буквально: Есть ли надежда нам / Спаситься из ада?) Здесь речь ведется не только о возвышенной любви, но также о смерти и спасении души.

Чтобы найти дополнительные свидетельства творческой связи с Данте, обратимся к дневникам Максима Танка. И упоминаний о великом флорентийце находим в них немало. Одно из них касается встречи с калмыцким писателем М.В. Хониновым, который поведал ему о своей жизни, о том, «сколько ему довелось хлебнуть горя на фронте, в партизанах», что «был арестован и сослан в Сибирь вместе со всеми калмыками, как страдал в промерзшей землянке, а после смерти жены растил свою осиротевшую дочь» [Танк, 2010, т. 10, с. 124]. Подытоживая свои мысли и чувства после услышанного, М. Танк записал следующее: «Страшная судьба выпала на долю поэта и калмыцкого народа. Я смотрю на него как на человека, который после Данте прошел через все самые страшные круги ада» [Танк, 2010, т. 10, с. 124].

В декабре 1970 г., иронизируя над теми из коллег-писателей, кто развернул «борьбу за звания, ранги, должности», он использует цитату из эссе «Данте» (1929) Т.С. Элиота: «Неужели не знают, что давно “Данте и Шекспир поделили между собой мир и третьего нет”...» [Танк, 2010, т. 10, с. 200].

Авторитетом Данте подкрепляется М. Танк и в своей позиции по отношению к эмигрировавшим писателям, художникам и артистам: он считает, что их достижения являются достижениями родной культуры, ссылаясь при этом именно на Данте, который «говорил, что отечество поэт забирает с собой. У каждого поэта – оно свое» [Танк, 2010, т. 10, с. 497].

Читая «Архипелаг ГУЛАГ», в конце октября 1989 г. народный поэт Беларуси об этом произведении в своем дневнике высказался следующим образом: «Непосильную для человека провел работу Солженицын. Это второй случай после Данте, когда смертник вернулся из ада к живым, чтобы рассказать жуткую правду о временах сталинизма» [Танк, 2010, т. 10, с. 597].

Кстати, когда поэт В.М. Скоринкин в сентябре 1994 г. сообщил о завершении перевода на белорусский язык «Ада» Данте, М. Танк в дневниковой записи труд его оценил как «значительное событие в нашей литературе» [Танк, 2010, т. 10, с. 733].

В начале ноября того же года – за девять месяцев до упокоения – народный поэт Беларуси оказался во власти тягостных чувств – ему впереди виделась только «пустота и одиночество», и он «со страхом ждал зимы» [Танк, 2010, т. 10, с. 740]. К тому же он переживал и творческий кризис. Но при всем этом находил для себя отдушину, записывая в дневник вот что: «Теряю контакт с настоящей поэзией. Чувствую, что она – рядом, но где? Традиционные темы вытоптаны разными буйволами. Нужно подождать, пока уляжется пыль. Отвожу душу на песнях Данте» [Танк, 2010, т. 10, с. 740].

Выводы. Итак, мы попытались осветить рецепцию Данте Алигьери и его литературного наследия в творчестве М. Танка. Подытоживая сказанное, отметим, что из рассмотренного следует: белорусский поэт первым заговорил о необходимости перевода «Божественной комедии» на родной язык и считал, что это будет значительным событием для белорусской литературы. По его мнению, ценность и значение творений Данте Алигьери заключается в том, что флорентинец черпал материал для творчества из самой жизни, не боялся «соприкосновения с эпохой» и был чутким к насущным проблемам современного ему общества. М. Танк ценил итальянского поэта прежде всего как автора бессмертной поэмы, в которой непревзойденно описан ад и ужасные страдания грешников. Это подтверждают дневниковые записи и поэтические произведения, в том числе и сатирической направленности, написанные в разные периоды. Помимо этого, в стихотворении «Сонет» (1973) белорусский поэт отмечает, что в том числе благодаря усилиям флорентийского поэта в мировой литературе получила широкое распространение данная твердая стихотворная форма, которая по-прежнему остается жизнеспособной и пригодной для художественного исследования мира. Данте Алигьери представлен в произведениях белорусского писателя также как вкусивший горький хлеб изгнания, прошедший все круги ада и вернувшийся к живым человек, как гениальный художник слова, который своими творениями обеспечил себе бессмертие и место в вечности, но, к сожалению, не до конца осуществил все свои творческие замыслы. В последнем прижизненном поэтическом сборнике «Мой ковчег» (1994) имя гения итальянской литературы встречается в стихотворениях, посвященных темам смерти, бессмертия, спасения души и возвышенной любви. В частности, в стихотворении «И я чуть не поверил» (1992) М. Танк предлагает свою интерпретацию образа Беатриче, ставшего одним из вечных образов мировой литературы. Об особом отношении белорусского поэта к автору «Божественной комедии» и его литературному наследию, о высокой оценке творений флорентийца свидетельствуют дневниковые записи, в одной из которых М. Танк признается, что во время творческого кризиса «песни Данте» были лекарством для его души.

Библиографический список

1. Ад вежаў Ферары: з сучаснай італьянскай паэзіі / пер. з італ.; [уступны артыкул М. Танк]. Мінск: Мастацкая літаратура, 1974. 206 с.
2. Арочка М.М. Максім Танк // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. Мінск: Беларуская навука, 2001. Т. 3. С. 312–348.
3. Барычэўскі А. Тэорыя сонэту. Менск, 1927. 54 с.
4. Бугаеў Д. Паэзія Максіма Танка. Мінск: Навука і тэхніка, 1964. 159 с.
5. Гаспаров М.Л. Терцины // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. 1600 стб.
6. Калеснік У. Максім Танк: Нарыс жыцця і творчасці. Мінск: Мастацкая літаратура, 1981. 189 с.
7. Танк М. Збор твораў: у 13 т. Мінск: Беларуская навука, 2006–2012.
8. Танк М. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1985–1986.

Сведения об авторе

Черота Владимир Иванович – кандидат филологических наук, докторант Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (Минск); e-mail: vladimir.charota@gmail.com

DANTEAN IMPULSES IN THE WORKS OF THE BELARUSIAN POET MAKSIM TANK

V.I. Charota (Minsk, Belarus)

Abstract

Statement of the problem. Maksim Tank (1912–1995) was one of the most knowledgeable about world literature Belarusian writers. Among the representatives of Italian literature, he singled out Dante Alighieri, as evidenced by numerous direct references and allusions in his poetry, articles, and diaries.

The purpose of this article is to analyze the motives of M. Tank's appeal in his works to the great Florentine poet and his literary heritage.

Research results and conclusions. The carried out study suggests that M. Tank valued Dante Alighieri primarily as the author of *The Divine Comedy*, where he masterfully described hell and the terrible suffering of sinners. In general, Dante is perceived by the Belarusian poet both as a person who tasted the bitter bread of exile, went through all the circles of hell and returned to the living, and also as a brilliant writer, who achieved immortality through his works. The creative impulses emanated by the genius of Italian literature are observed in Maksim Tank's last collection of poetry "Moy Kovcheg" ("My Ark", 1994). They determined the interpretation of the themes of death and immortality, the salvation of the soul and sublime love; in addition, he offers his own interpretation of the image of Beatrice, which became an eternal image in world literature.

Keywords: *Dante studies, Divine Comedy, Belarusian literature, poetry, creative impulses, allusion, sonnet, terza rima.*

References

1. From the towers of Ferrara: from modern Italian poetry / trans. from Italian; [introductory article by M. Tank]. Minsk: Mastackaja litaratura, 1974. 206 p.
2. Arochka M.M. Maksim Tank // History of Belarusian literature of the 20th century: in 4 vol. Minsk: Belaruskaja navuka, 2001. Vol. 3. P. 312–348.
3. Barychevski A. Theory of the sonnet. Minsk, 1927. 54 p.
4. Bugajow D. The poetry of Maksim Tank. Minsk: Navuka i technika, 1964. 159 p.
5. Gasparov M.L. Terza rima // Literary encyclopedia of terms and concepts / Ed. by A.N. Nikoliukin. Moscow, 2001. 1600 col.
6. Kalesnik U. Maksim Tank: An essay of life and creative work. Minsk: Mastackaja litaratura, 1981. 189 p.
7. Tank M. Collected works: in 13 vol. Minsk: Belaruskaja navuka, 2006–2012.
8. Tank M. Collected works: in 3 vol. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1985–1986.

About the author

Charota Vladimir Ivanovich – PhD (Philology), Doctoral Student, Center for Belarusian Culture, Language and Literature Studies, National Academy of Sciences of Belarus (Belarus); e-mail: vladimir.charota@gmail.com